

Предисловие

Восемь тетрадей, исписанных убористым, мелким, трудным для чтения почерком. Так выглядело то, что потом почти непрерывно не давало мне покоя: жизнь Этти Хиллесум. В этих тетрадях разворачивалась история 27-летней женщины, проживавшей в южной части Амстердама. Это был ее дневник 1941—1942 годов, то есть дневник военных лет, но для читателя это годы личного развития и парадоксального освобождения Этти Хиллесум. Те годы, когда в Европе разыгрывался сценарий окончательного уничтожения евреев. Этти Хиллесум была еврейкой, она написала другой, свой сценарий.

В попытке не потерять связь с «диким, хаотично раздробленным миром» она ищет источники своего существования и в конце концов приходит к жизненной позиции, исповедующей радикальный альтруизм. Последние слова ее последней записи в дневнике: «Хочется быть пластырем на стольких ранах». Так кто же она, Этти Хиллесум?

Между записью от 10 ноября 1941 года: «По всем направлениям страх жизни. Совершенная подавленность. Отсутствие уверенности в себе. Отвращение. Страх» и записью от 3 июля 1942 года: «Ладно, эту новую, желающую нашего тотального уничтожения реальность я выдержу. Теперь я это знаю. Я не буду нагружать своими страхами других, не буду огорчаться, видя, как люди не понимают, что с нами, с евреями, происходит. Одна реальность не должна ни навязываться другой, ни отвергать ее. Я работаю и продолжаю жить с прежними убеждениями и нахожу жизнь полной смысла. Полной смысла, несмотря ни на что», между этими двумя записями — жизнь Этти. Жизнь со множеством разнообразных оттенков: ее отношения с S. (о нем позже) и другими мужчинами, отношения с семьей, размышления о «женском вопросе», ее взгляды на русскую и немецкую литературу,

прежде всего на Рильке, ее понимание истории и еврейства, ее постоянное стремление к жизни, защищенной от отравляющей и друзей, и врагов ненависти; ее честность и искренность, касающаяся даже эротики, ее полная лиризма чувствительность и постоянно пугающие события с кричащей очевидностью разрушенной вокруг нее жизни. Погружаясь в глубь всего этого, Этти интенсивно, с явным литературным талантом ведет свои записи.

Начало дневника приходится на воскресенье, 9 марта 1941 года. В феврале этого года Этти познакомилась с человеком, занявшим центральное место в ее мыслях и чувствах. Этот человек — психоаналитик и хиролог, доктор Юлиус Шпир, известный в то время «эксперт по чтению линий рук». Шпир — впоследствии обозначенный Этти как S. (Spier) — был евреем, эмигрировавшим из Берлина. Он родился 25 апреля 1887 года во Франкфурте и в зрелые годы работал там директором банка. С течением лет Шпир открыл в себе талант распознавания способностей и характеров людей по линиям их рук. В 1925 году он создает издательство «Iris», берет уроки классического пения и едет в Цюрих для двухлетнего обучения психоанализу у самого Карла Густава Юнга. Именно Юнг вдохновил его на серьезные занятия психохирологией. Куда бы в дальнейшем Шпир ни попадал, он организовывал курсы. В 1939 году он эмигрировал в Голландию, в Амстердам, где жила его сестра. Дочь Рут и сын Вольфганг остались с его женой не еврейского происхождения, с которой в 1935 году он развелся. Шпир был совершенно необычным человеком, «магической личностью», как его характеризовали многие, и прежде всего женщины. Ошеломляющей, завораживающей была его способность, читая по рукам, проникать в тайны человеческой жизни и затем все прочитанное подвергать психологическому анализу.

Эти достаточно скудные данные о докторе Шпире не дают возможности представить масштаб того благотворного эффекта, который его работа оказывала на людей.

Во всяком случае для Этти он стал катализатором самоанализа. Непрерывного, принимающего часто универсальный характер самоанализа, которому она с воскресенья 9 марта начала придавать форму. Этим я хочу сказать, что в своем дневнике Этти Хиллесум описывает не только самое себя, но и возможности каждого человека в любой момент жизни.

В это же самое время у Этти развивается религиозное сознание, некоторым читателям могущее показаться непонятным или даже отпугивающим. Этти была богоискателем, который в конце концов приходит к выстраданному выводу, что Бог действительно существует. Слово «Бог» можно встретить уже в ее первых записях, хотя там оно, по всей видимости, употребляется неосознанно. Медленно, но уверенно в ней происходит почти непрерывное движение в сторону познания Бога. Эттины наброски, где она прямо, без смущения обращается к Богу, приобретают совершенно особый стиль. Ее религиозность нетрадиционна, поскольку Этти не была связана ни с синагогой, ни с церковью, она жила в своем собственном религиозном ритме. Говоря с Богом, как с самой собой, она была очень далека от догм, теологий, систем. В течение этих лет, благодаря глубокому проникновению в действительность окружающего мира, Этти чувствует, как эта действительность ведет и питает ее. Она говорит: «Когда я молюсь, никогда не молюсь за себя, всегда за других. Или же веду сумасшедший, детский, или смертельно серьезный диалог с тем, *что во мне является самым глубинным и что удобства ради я называю “Богом”*» (курсив мой. — Я. Г. Г.). И позже: «Благодаря этому, мое ощущение жизни совершеннее всего передается словами “погрузиться в себя”. И это “в себя” — это самое глубокое и ценное во мне, я называю “Богом”». В других местах — пассажи, напоминающие любовную лирику: «...они говорят: я не попадусь в их когти, забывая, что, находясь в твоих руках, невозможно попасть ни в чьи когти». Есть фрагменты, читая которые кажется, что Этти полностью, с головой уходит в диалог с Богом. Была ли Этти мистиком? Возможно, но вот что

она пишет: «Мистика должна основываться на кристальной искренности. Но сначала нужно проникнуть в самую, вплоть до голой реальности, суть вещей». Имя Бога у Этти ничем не обременено. Создается впечатление, что столетия иудаизма и христианства не оставили в ней никакого следа. Как мне кажется, в этом и выражается «необремененность» ее веры, которая с одной стороны узнаваема другими верующими, а с другой — без больших трудностей может быть понята неверующими людьми.

Как выглядела жизнь Этти до войны? Биографические сведения, относящиеся к этому времени, довольно скудны. Эстер Хиллесум родилась 15 января 1914 года в Мидделбурге. Ее отец, преподаватель классических языков, был очень образованным человеком с большим количеством контактов в научном мире. Книги и учеба занимали центральное место в его жизни. Он преподавал в Тиле и Винсхотене, после чего в 1924 году вместе с семьей переехал в Девентер. С 1928 года он работал там сначала заместителем директора, а потом директором городской гимназии. Мать Этти родилась в России. После очередного погрома она бежала в Голландию. Отношения в семье были неуравновешенными. Юные годы Этти, прошедшие в большом доме на улице Герта Гроте, 9, были очень насыщенными. Она и оба ее младших брата, Михаэль (Миша) и Яап, были чрезвычайно одаренными детьми. Миша был гениальным пианистом и, по мнению современников, если бы не погиб, принадлежал бы к числу выдающихся пианистов Европы. Правда, его одаренность была сопряжена с большими проблемами, порой ведущими даже в психиатрическую клинику.

Яап был врачом, о нем мало что известно. Несмотря на то, что дедушка Этти был главным раввином трех северных провинций, она не получила никакого или всего лишь незначительное воспитание в иудейской вере. Насколько все же сильна была ее связь с еврейским народом и насколько сильно было в ней осознание Бога, показали последующие годы.

В 1932 году Этти оставляет учебу в школе своего отца, с легкостью сдает в Амстердаме экзамен по юридическому праву и наряду с этим посвящает себя изучению славянских языков. Когда она принимается за изучение психологии, уже полным ходом идет Вторая мировая война и ее жизнь постепенно приобретает те измерения, которые открываются нам в ее дневнике.

Пятнадцатого июля 1942 года Этти Хиллесум получает место в отделе культуры при Еврейском совете («юденрате»). Четырнадцать дней она пешком ходит на Амстел, 93 и обратно и называет это место «адом».

Когда в начале августа приходит повестка, Этти, не колеблясь, отправляется в Вестерборк, где хочет пережить судьбу, «массовую судьбу» евреев, которая видится ей неотвратимой. Она понимает, что для простых евреев нет никакой возможности спастись, и из солидарности решает разделить их участь. Она верит в то, что ее жизнь может быть оправдана только тем, что она не оставит людей в смертельной опасности и использует свой талант, дабы принести им облегчение.

Пережившие лагерь люди подтверждали, что Этти действительно до самого конца была «излучающей свет личностью». По особому разрешению она еще несколько раз возвращалась из Вестерборка в Амстердам.

7 сентября 1943 года Этти вместе со всей семьей была отправлена в Освенцим. Вероятно, речь идет о штрафной депортации, так как ее брат Миша, при посредничестве Виллема Менгелберга получив статус «еврея от культуры», мог избежать депортации, но он не захотел воспользоваться своим положением, поскольку оно не освобождало от этой участи всю семью. Из сообщений Красного Креста известно, что Этти Хиллесум погибла 30 ноября 1943 года в Освенциме. Погибли также ее родители и братья.

Воскресенье, 9 марта 1941 года. Ну, давай! Как же это мучительно, как непреодолимо трудно на невинном листе разлинованной бумаги оставить на произвол судьбы свое стыдливое нутро. И хотя мои мысли и чувства временами так ясны, так глубоки, — записать их пока никак не удастся. Думаю, причиной всему — стыд и сильная внутренняя скованность. Я все еще не осмеливаюсь дать мыслям свободно вылиться наружу. Но если я хочу с удовлетворением прожить свою жизнь — это должно произойти. Как и в любовных отношениях, последний, освобождающий крик всегда робко остается внутри. В эротике я достаточно утончена, и поэтому любовь со мной может казаться совершенной. Однако это всего лишь игра, скрывающая суть. Внутри меня всегда что-то остается запертым. Да и в остальном тоже так. Интеллектуально я достаточно одарена, чтобы все ощутить, все облечь в понятную форму, во многих жизненных ситуациях я произвожу превосходное впечатление. При этом глубоко во мне спрятан сжатый ком, что-то крепко держит меня, так что, вопреки всем своим ясным мыслям, временами я кажусь себе всего лишь маленьким боязливым существом.

Удержать бы момент этого утра, хотя он уже почти ускользнул от меня. В одно мгновение, благодаря четкому строю мыслей, я победила S.

Его прозрачные, чистые глаза, чувственный рот, по-бычьим массивная, но с легкими пружинными движениями стать... Пятидесятичетырехлетний мужчина, у которого еще полным ходом идет борьба между материей и духом. И, кажется, я сломлена тяжестью этой борьбы, подавлена этой личностью, не могу от нее освободиться; мои собственные, по моим ощущениям приблизительно того же порядка проблемы остаются в стороне. Конечно, речь о чем-то другом, о чем-то, что не

поддается точному описанию. Наверное, моя искренность еще недостаточно безжалостна, и к тому же словами пока не удается добраться до сути вещей.

Первое впечатление после нескольких минут: лицо не чувственное, не голландское; и все же чем-то близкий мне тип, напоминает Абрашу¹, но тем не менее не вполне приятный.

Второе впечатление: умные, невероятно умные, древние серые глаза, на некоторое время отвлекающие внимание от тяжелого рта, но не совсем. Сильное впечатление от его работы: распознавание моих самых глубоких внутренних конфликтов посредством чтения по моему второму лицу — рукам. Еще одно, какое-то очень неприятное впечатление, когда я по невнимательности подумала, что он говорит о моих родителях: *«Нет, это все вы, вы одарены философским мышлением, интуицией»*², и еще добавил всякие пышности. Это было сказано так, словно маленькому ребенку суют в руку печенье. Ты, что ли, не рад? «Да, вы владеете всеми этими прекрасными качествами, разве это не радует вас?» В этот миг я почувствовала отвращение, было это как-то унизительно или, может, просто было задето мое эстетическое чувство. Во всяком случае, в тот момент он показался мне каким-то приторным. Но потом на мне снова покоились завораживающие, лучистые, глядящие из серой глубины человеческие глаза. Глаза, которые мне хотелось целовать. Раз уж я об этом: был еще один момент в то же утро понедельника (теперь уже пару недель назад), когда он был мне неприятен. Его ученица, г-жа Хольм, несколько лет назад пришла к нему с головы до ног покрытая экземой. Стала его пациенткой. Полностью выздоровела. Поклоняется ему. Какого рода поклонение, пока не разобралась. В определенный момент, когда мое честолюбие, сводящееся

¹ Еврейский юноша, с которым Эtti дружила до войны. — *Здесь и далее примеч. Я. Г. Гарландта, если не указано иное.*

² Здесь и далее курсивом выделены слова, записанные в дневнике по-немецки. — *Примеч. ред.*

к желанию самой решать свои проблемы, выступило на передний план, г-жа Хольм многозначительно сказала: «Человек на свете живет не один». Это прозвучало и доброжелательно, и убедительно. А потом она рассказала мне о своей экземе, которой было покрыто не только все тело, но и лицо. Тут S. повернулся к ней, сделал какой-то очень неприятно задевший меня жест, который в точности мне не передать, и сказал: *«И какой цвет лица у нее сейчас, а?»* Это прозвучало так, словно он на рынке расхваливал свою корову. Не знаю почему, но в тот момент он показался мне отвратительным, немного циничным, и опять же было это не совсем так.

И потом, в конце сеанса: *«А теперь давайте подумаем, как мы можем помочь этому человеку»*. А может, он сказал: *«Этот человек нуждается в помощи»*.

К тому времени он уже покорила меня своим талантом, и я действительно испытывала острую необходимость в помощи.

Потом были его лекции. Я шла туда, чтобы посмотреть на этого человека с некоторого расстояния и, прежде чем передать ему свою душу и тело, оценить его издали. Хорошее впечатление. Высокий уровень.

Человек с шармом. Даже смех, несмотря на множество искусственных зубов, — с шармом. В тот день я была под сильным впечатлением от исходящей от него внутренней свободы, от мягкости, покоя и совершенно своеобразной грации этого тяжелого тела. Его лицо тогда снова было совсем другим. Впрочем, оно каждый раз выглядело иначе. Когда я дома, когда одна, у меня не получается представить его. Пытаюсь, как кусочки мозаики, собрать воедино все знакомые мне части, но нет, все расплывается от сплошных противоречий. Временами отчетливо вижу его перед собой, а потом опять все распадается на множество частей, и это очень мучительно.

На лекцию пришло много милых женщин и девушек. Трогательна была явно витавшая в воздухе любовь некоторых «ариек» к этому эмигрировавшему из Берлина еврею, приехавшему сюда, чтобы помочь им обрести внутреннее равно-